

КАДЕТСТВО

Воспоминания выпускников
военных училищ
XIX века

СЕКРЕТЫ ИДЕАЛЬНОГО МУЖЧИНЫ

Секреты идеального мужчины

**Кадетство. Воспоминания
выпускников военных
училищ XIX века**

«Алисторус»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кадетство. Воспоминания выпускников военных училищ XIX века
/ «Алисторус», 2018 — (Секреты идеального мужчины)

ISBN 978-5-907024-37-3

Первый армейский кадетский корпус был открыт в Петербурге в 1732 году по указу императрицы Анны Иоанновны. Как писал военный историк А. В. Висковатый, это была «колыбель славы многих героев и знаменитых мужей России». В книге собраны воспоминания воспитанников военных училищ XIX века. Включенные в книгу мемуары бывших кадетов, гардемарин и юнкеров как нельзя лучше иллюстрируют то, как в дореволюционной России воспитывали будущих офицеров. Авторы живо и ярко рассказывают о днях учебы, делятся своими впечатлениями о преподавателях и офицерах.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907024-37-3

, 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Наши первые военные школы	6
Первый кадетский корпус	17
Учреждение Первого кадетского корпуса и перемены в оном, последовавшие с 1732 по 1832 год	18
Из воспоминаний	26
Из воспоминаний	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В. Богданова (составитель)
Кадетство: воспоминания выпускников
военных училищ XIX века

© Сост. В. Богданова, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Наши первые военные школы **(Ф. С. Лалаев)**

«Известно есть всему миру, каковая скудость и немощь была воинства Российского, когда оно не имело правильного себе учения, и как несравненно умножилась сила его и надчаяние велика и страшна стала, когда Державнейший наш монарх, Его Царское Величество Петр I, обучил оно изрядными регулами». Мысль эта выражена в одном из законодательных актов нашего Правительства, изданных в том самом году, в котором спустя только двадцать лет после поражения под Нарвой Россия праздновала уже заключение столь славного Ништадтского мира. «Тож разуместь, – читаем далее в этом акте, – и о архитектуре, и о врачевстве, и о политическом правительстве и о всех прочих делах».

Так понимали значение просветительной деятельности Петра его современники, и действительно, вся история деяний великого Преобразователя России доказывает, что он постоянно руководился твердым сознанием высказанной им истины, что «учение доброе и основательное есть всякой пользы отечества аки корень, семя и основание».

Но вместе с тем та же история приводит к убеждению, что в заботах Петра о распространении просвещения первенствующая роль принадлежит стремлению его удовлетворить практическим нуждам обновленного государства, причем все школьное обучение принимает у нас преимущественно прикладной характер, общеобразовательные цели его уступают место утилитарным требованиям государственной службы и приготoвление к различным родам этой службы становится для отдельных сословий даже повинностью. Таким образом, конец XVII и начало XVIII века представляют в истории нашего просвещения тот именно период, когда вследствие неизбежного исторического закона государство стремится извлечь из науки еще только одну внешнюю, материальную пользу, устраивая училища с исключительной целью приготовления необходимого ему контингента сведущих служилых людей.

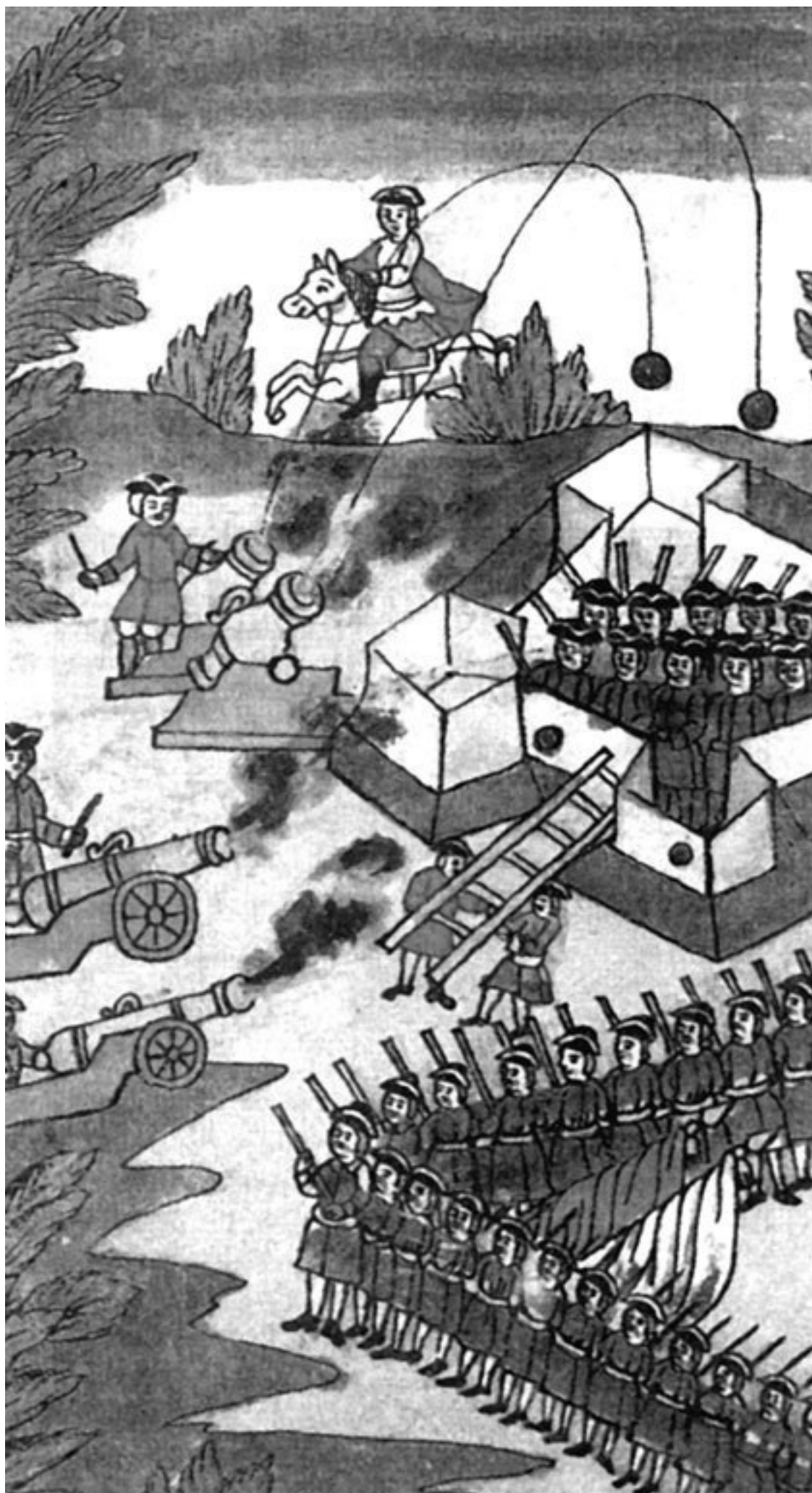
В это-то время вместе с другими профессиональными школами – церковными, приказными, медицинскими, горными и др. – возникают в нашем отечестве и военно-учебные заведения.

Как в других государствах Европы, так и у нас первые военные школы были учреждены для приготовления знающих людей собственно к службе артиллерийской, инженерной и морской.

Известно, что еще в детском возрасте Петр положил начало нашей регулярной армии образованием «Потешных рот», из которых скоро сформировался Преображенский полк с бомбардирскою ротой. В известии, напечатанном по распоряжению графа Миниха в «С.-Петербургских Ведомостях» 1728 года, о С. Л. Бухвостове, «первом солдате Преображенского полка», сказано, что он поступил в бомбардирскую роту в 1695 году, при ее учреждении; но Устрялов в своей «Истории Петра Великого» приводит подлинные списки этой роты еще за 1698 год и самое учреждение ее относит к 1690 году; наконец, Погодин в одном из последних своих исследований доказывает, что начало Преображенского полка и бомбардирской роты должно быть отнесено даже к 1688 году, когда Петру исполнилось лишь 11,5 лет.

Затем, когда в 1689 году установилось единодержавие Петра, царственные заботы его обратились преимущественно на устройство у нас постоянного войска по образцу европейских армий. В этих заботах царь, привлекая в свою службу сведущих иностранцев и посылая многих русских для обучения за границу, сознавал всю необходимость готовить и в самой России людей, знакомых с различными отраслями военного дела. Почти неодолимые в то время затруднения к осуществлению такой мысли только усиливали энергию юного царя; в 1697 году, отправляясь в первое путешествие по Европе, он взял с собою избранных бомбардиров Преоб-

раженского полка, из которых и образовал впоследствии преподавателей нашей первой военной школы, учрежденной при бомбардирской роте в самом начале XVIII века. Здесь будущие бомбардиры обучались начальной математике (арифметика, геометрия и тригонометрия), фортификации (полевые укрепления, системы Кугорна и Вобана, атака крепостей) и артиллерии (построение масштабов, употребление шкалы, черчение орудий и лафетов русской артиллерии, приготовление пороха и лабораторных составов, правила стрельбы), причем теоретическое преподавание пополнялось соответственными практическими занятиями. Сам государь, как командир бомбардирской роты, принимал близкое участие в устройстве этой школы, лично следил за ходом преподавания в ней, поощрял учеников, присутствовал на экзаменах и всякое повышение утверждал собственноручными резолюциями; непосредственное же заведывание этою школою поручено было «от бомбардир капитану» Скорнякову-Писареву, бывшему впоследствии директором Морской Академии.

*Осада и штурм потешными войсками крепости Пресбург на реке Яузе (1694).
Миниатюра из «Истории Петра Великого»*

В январе 1701 года издан был указ об учреждении в Москве «Школы математических и навигацких наук», которая, по словам самого государя, «нужна не токмо к морскому ходу, но и артиллерии и инженерству».

Эта Школа до 1706 года состояла в ведении Оружейной палаты, а потом подчинена была Приказу морского флота и Адмиралтейской канцелярии. В Школу повелено было принимать сыновей «дворянских, дьячих, подьячих, из домов боярских и других чинов», от 12- до 17-летнего возраста, впоследствии же принимались даже и 20-летние; комплект учащихся определен в 500 человек, причем те из них, кто имел более пяти крестьянских дворов, содержались на собственный счет, а все прочие получали от казны «кормовые деньги»; вся же годовая стоимость содержания школы не превышала 23 000 руб.

Первыми учителями в этой Школе были англичане Фарварсон, Гвын и Грейс, а впоследствии в числе учителей ее находим и известного в то время математика, Л. Ф. Магницкого, издавшего первую русскую арифметику с арабскими цифрами (Москва. 1703 год). Учебный курс Школы состоял из русской грамоты, арифметики, геометрии и тригонометрии, с практическими приложениями к геодезии и мореплаванию; кроме того, здесь обучали и «рапирной науке». Те из учеников, кои принадлежали к низшим сословиям, обучались в Школе только грамоте и счету и затем назначались на службу в писари, в помощники к архитекторам и к разным должностям в адмиралтейства; ученики же из дворян по окончании полного курса Школы выпускались во флот, в инженеры, в артиллерию, кондукторами¹ к генерал-квартирмейстеру и к архитектурным делам, причем они уже на самой службе должны были приобретать дальнейшие необходимые для каждой специальности знания и умения. Это же заведение приготавливало и начальных учителей, которые рассылались отсюда по губерниям для преподавания математики в школах при архиерейских домах и монастырях, в адмиралтейских и цифирных школах. Но с учреждением в 1715 году Морской академии в С.-Петербурге Московская Школа математических и навигацких наук потеряла уже значение самостоятельного заведения и обратилась лишь в приготовительное для той Академии.

Около этого же времени возникают у нас специальные инженерные и артиллерийские школы; так, в 1712 году в Москве находилась уже «Инженерная школа» с 23 учениками. В следующем году указом Сената предписано было Военной канцелярии «набрать в эту школу еще 77 человек из всяких чинов людей, также из царедворцовых детей, за которыми есть до 50 дворов; а набрав, велеть как прежних, так и новоприборных учить прилежно инженерной науке, чтобы они могли воспринять учение». На все содержание школы отпускатось от казны 3037 руб.

В 1719 году образована была в С.-Петербурге под начальством полковника де Кулона другая инженерная школа, к которой в 1723 году присоединилась и школа московская.

Что касается школ артиллерийских, то кроме существовавшей уже при бомбардирской роте в 1712 году учреждена была школа при артиллерийском полку под начальством генерал-майора Гинтера (впоследствии бывшего генерал-фельдцейхмейстером), в которой обучали арифметике, геометрии, тригонометрии, черчению, фортификации и артиллерии (описание материальной части, пороховое дело, лабораторное искусство, теория и практика стрельбы); из этой школы в 1721 году несколько учеников отправлено было в С.-Петербургский гарнизон «для обучения огнестрельным делам, надлежащим до воинских случаев и до потешных фей-

¹ Кондуктор – младшее унтер-офицерское звание, присваивавшееся воспитанникам Инженерного училища по аналогии с армией, где его носили чертежники и художники инженерных управлений.

ерверков». В том же 1721 году заведена особая школа на 30 человек при С.-Петербургском лабораторном доме, в которой обучались состоящие уже на службе артиллеристы.

Вместе с учреждением названных школ начинают появляться у нас первые печатные руководства по математике, артиллерии и фортификации. Кроме вышеуказанной арифметики Магницкого появилось в 1709 году руководство по геометрии под заглавием: «Приемы циркуля и линейки, или избраннейшее начало в математических искусствах»; в том же году издан перевод сочинения Брауна «Новая фундамент умышлением артелерия»; в 1710 году появились: «Описание артиллерии» Бринка, и «Фортификация» Кугорна; в 1711 году – «Учение и практика артиллерии» Бухнера; наконец, сам царь поручил Миниху перевести с французского языка лучшее артиллерийское руководство того времени – «Записки Сен-Реми».

В царствование Петра Великого впервые учреждены были у нас и школы для солдатских сыновей. При народной переписи 1719 года сыновья всех нижних воинских чинов в подушный оклад вовсе не были включены, вследствие чего и образовалось у нас особое сословие солдатских детей, не имевшее никакой оседлости; обстоятельство это побудило Правительство принять меры для призрения их на казенный счет. Указом 1721 года в каждом из 50 пехотных гарнизонных полков положено было иметь по 50 вакансий собственно для солдатских сыновей, от 7- до 15-летнего возраста. Через десять лет число воспитанников гарнизонных школ было увеличено уже до 4000 и вместе с тем, по мысли графа Миниха, указано: «самые школы определить на таком основании, дабы впредь польза и государству в рекрутах облегчение быть могло». По указу 1744 года в этих школах обучали «словесной и письменной науке, пению, солдатской экзерции, арифметике, артиллерийской и инженерной науке»; малоспособные же к изучению грамоты занимались в школах разными ремеслами. Большинство учеников по достижении 16 лет определялось на службу в армейские полки и гарнизоны; неуспешные же назначались в матросы и денщики.

Все вышеисчисленные специальные и гарнизонные школы, состоя в ведомстве Военной коллегии, ближайшим образом подчинялись: первые – Канцелярии главной артиллерии и фортификации, а вторые – местным комендантам.

По кончине Петра Великого начатое им дело приготовления молодых людей к службе артиллерийской и инженерной не только не развивалось, но постепенно приходило в упадок. Так, учрежденные им артиллерийские школы скоро перестали существовать; учеников же Инженерной школы само начальство постоянно отвлекало от учебных занятий различными служебными командировками и даже поручением им обязанностей писарей, дневальных и рассыльных при конторе Инженерного правления и при Канцелярии главной артиллерии, причем сама школа по необходимости заботилась уже не столько об образовании инженеров, сколько о поспешном приготовлении большого числа чертежников и писарей.

Вместе с тем комплект учеников Инженерной школы был уменьшен по штату 1728 года до 60 с сокращением и отпускавшейся на ее содержание суммы до 2600 рублей; этим же штатом определено было состоять при школе одному учителю в чине инженер-капитана с жалованьем по 800 руб. в год, и в помощь ему для преподавания наук назначены два кондуктора с окладом по 48 руб. и два рисовальных мастера с содержанием по 180 рублей.

Затем, хотя в первое время после Петра и были учреждены новые школы в Артиллерийском и Инженерном ведомстве, но все они ограничивали свой учебный курс самыми элементарными познаниями. Так, в 1730 году открыта была школа при С.-Петербургской крепости для обучения «малолетних детей мастеровых инженерных людей» с целью приготовления их в писари и мастеровые по Инженерному же ведомству.

В том же году генерал-фельдцейхмейстер граф Миних устроил в С.-Петербурге, на Литейной, особую артиллерийскую школу на 60 человек пушкарских сыновей также для приготовления из них канцелярских и полковых писарей; школа эта впоследствии стала называться артиллерийскою арифметическою школой, и в ней положено было обучать «словесной

и письменной науке, а также арифметике, геометрии и тригонометрии»; на содержание школы отпускалось всего 764 рубля.

В 1735 году новый генерал-фельдцейхмейстер, принц Людвиг-Вильгельм Ландграф Гессен-Гомбургский, учредил в С.-Петербурге для 30 дворянских и офицерских детей чертежную артиллерийскую школу со штатным содержанием по 855 руб. в год; здесь обучали преимущественно математическим наукам и артиллерийскому искусству, а затем выпускали учеников на службу унтер-офицерами в артиллерию. Вскоре, однако же, арифметическая и чертежная школы были соединены в одно заведение, под общим наименованием С.-Петербургской Артиллерийской школы. Незадолго перед тем такая же школа, но на 700 воспитанников устроена была и в Москве, близ Сухаревой башни.

В 1745 году, со вступлением в должность генерал-фельдцейхмейстера князя В. А. Репнина, С.-Петербургская Артиллерийская школа поступила в заведывание известного литейщика Петровских времен, Виллима Ивановича де Геннина, вывезенного самим царем из Голландии; с этого времени, кроме обычных классных занятий, в названной школе введены были и практические упражнения.

В Инженерной же школе во все управление Инженерным ведомством князя Репнина не было сделано никаких улучшений, и только в 1758 году, когда школа поступила под особое ведение генерал-инженера Ганнибала, крестника Петра Великого, устроен был на Выборгской стороне особый учебный полигон, на котором ученики школы практически изучали инженерное дело; этим же полигоном пользовались отчасти и ученики Артиллерийской школы.

В 1756 году генерал-фельдцейхмейстером с главным начальством и над Инженерным корпусом был назначен граф П. И. Шувалов, первую заботу которого по вверенному ему управлению было возможное улучшение устройства, а затем и совершенное преобразование Инженерной и Артиллерийской школ.

Относя изложение мер, предложенных графом Шуваловым для осуществления такой мысли, к III главе этой части Очерка, воспользуемся дошедшими до нас сведениями для выяснения здесь общего характера содержания и быта учеников в перечисленных выше наших первых специально военных школах в период времени от их основания до 1756 года.

Прежде всего, необходимо припомнить, что при Петре Великом государственная и преимущественно военная служба была обязательною для дворян, как и для других сословий; вследствие того каждый поступал в эту службу рядовым и производился в следующие чины не иначе как по заслугам.

Таким образом, все ученики первых военных школ считались военнослужащими нижними чинами, которым школа давала только средства для приобретения тех или других специальных знаний, необходимых для дальнейшего движения по службе.

По заведенному порядку ученики при поступлении в школу приводились к присяге, получали определенное жалованье (от 12 до 36 рублей в год соответственно классу, в котором находился каждый из них) и первое время жили на частных квартирах.

До 1724 года Петербургская Инженерная школа даже и сама не имела казенного дома и вместе с учителем своим, капитаном Гольцманом, помещалась в двух светлицах, нанятых на одном из постоянных дворов Московской стороны; в 1783 году она переведена была в казенный дом на Петербургской стороне (где ныне здание 2-й Военной Гимназии) а в следующем году в том же «Инженерном доме» размещены были и ученики школы.

В это время Артиллерийская школа находилась на Литейной, против Артиллерийского двора, рядом с церковью св. Сергия. Здесь тоже не полагалось казенных квартир для учеников; но иногда, с разрешения Канцелярии главной артиллерии, школа помещала в своих свободных комнатах некоторых учеников с обязательством, впрочем, отоплять помещение на их собственный счет. Казенная одежда отпускалась ученикам на сроки от 3 до 4 лет; белье и обувь пополнялись ежегодно. Для постелей выдавались коровьи войлоки, обшитые грубым холстом,

и одеяла из серого сукна с холщовой подкладкой. На продовольствие учеников отпускалась от казны только указная дача провианта и соли с приварочными деньгами; при таких скудных средствах пища учеников едва ли могла быть достаточной. И действительно, в делах Артиллерийской школы сохранились копии с донесений ее в Канцелярию главной артиллерии о том, что «от худого содержания и голода ученики лишаются сил и не могут прилежно учиться».

Внутренний порядок в школах обуславливался одними казарменными требованиями, и на учеников распространялось каждое из распоряжений, которые делались смотрителем дома для всех, без различия, проживавших в нем людей. Ежедневно, в начале пятого часа утра, дежурный капрал обходил все квартиры и будил учеников и служителей, которые и отправлялись в школу и на работу; после 11 часов давалось время для обеда, а с часа до 6 часов вечера снова производились занятия в школе и работы по дому; затем в 9 часов дежурный опять обходил все квартиры, требуя, чтобы огни везде были потушены.

На учеников возлагались, как уже было замечено, многие служебные обязанности; кроме того, их поочередно ставили на часы к различным постам в Инженерном доме, не исключая и арестантской. За неисполнительность и проступки ученики подвергались суду и наказаниям наравне с нижними воинскими чинами; сохранившиеся до нас канцелярские дела школ представляют и такие случаи, где школьники, проживавшие на частных квартирах, судились за буйство и разбой на улицах и за укрывательство у себя беглых крепостных людей с их женами и детьми, как равно и такие приговоры военного суда, которыми определялось, например, «прогнав шпицрутенами через полк шесть раз, написать в инженерные ученики до выслуги», или «бить при собрании инженерных учеников розгами». Впрочем, этот последний род наказаний, как видно из дел, нередко применялся к ученикам не только без всякого суда, но по личному усмотрению школьного кондуктора; бывали даже случаи, что малолетние ученики за частые побегі наказывались розгами, плетью, кошками и заковывались в кандалы.

В 1730 году одному из учеников «за обложное произнесение государева слова (слово и дело)» определено было такое наказание: «гонять шпицрутенами чрез все наличное число учеников (до 180) три раза и затем оставить по-прежнему в школе».

В 1739 году до сведения Фортификационной конторы дошло, что в числе учеников Инженерной школы есть трое женатых; в предписаниях конторы по произведенному об этом следствии говорится, что в прежнее время того никогда не допускалось как дела, запрещенного под страхом уголовного наказания, и указывалось для отвращения подобных случаев на будущее время объявить школьникам с отображением от них подписки, чтобы «никто из них без указа Конторы отнюдь не женился, под штрафом бытия трех годов в каторжной работе»; с этого же времени при увольнении учеников в отпуск (который продолжался иногда до 4 и даже до 6 месяцев, а с просрочками – и до 1,5 года) к обычным требованиям «явиться из отпуска в срок и за время бытности в отпуску инженерных наук не забывать» прибавлялось еще третье: «в отпуску ни для каких законных причин отнюдь не жениться». Но, как видно из дел, все подобные меры школьной суровости оказывались малодейственными. По крайней мере, уже в 1744 году один из артиллерийских учеников, просрочив в отпуску более месяца, оправдывался своею болезнью и смертью жены; Канцелярия приказала сделать с него соответственный вычет из жалованья и «учинить ему при собрании всех учеников наказание батоги нещадно, дабы, на то взирая, другим того чинить было неповадно».

Что касается дела обучения в школах, то оно велось здесь обычным для того времени порядком. Вытвердив букварь, ученик приступал к Часослову, а затем принимался за Псалтирь; окончившим «словесную науку» признавался тот, кто мог бегло прочесть любую страницу Псалтири и Часослова. «Письменная наука» ограничивалась списыванием букв и цифр; потом обучали рисованию, после чего ученики переходили уже к наукам математическим и «до инженерства и артиллерии принадлежащим». Сверх того приказано было обучать всех школьников «пушечной и ружейной экзерциции и показывать им артиллерийскую и инженер-

ную практику», для чего, как уже сказано выше, был устроен на Выборгской стороне учебный полигон.

Относительно специальных предметов преподавания нельзя не заметить, что при крайней ограниченности их объема они и развивались в школах весьма медленно; покойный В. Ф. Ратч, сравнивая школьные записки артиллерии 1750 года с записками Петровской бомбардирской школы, нашел даже, что обучение этому предмету в истекшее полу столетие не только не ушло вперед, но подвинулось назад.

К наиболее существенным причинам неуспешности хода обучения в школах следует отнести, конечно, тогдашний недостаток в хороших преподавателях вообще. Лица, коим поручалось преподавание в школах, за весьма редкими исключениями, далеко не стояли на высоте этого призвания. Достаточно вспомнить отзыв известного майора Данилова, бывшего учеником в Московской Артиллерийской школе, об одном из ее учителей; «это был», говорит он в своих Записках, «человек пьяный и вздорный, по третьему смертоубийству сидел под арестом и взят обучать школу: вот каков характер штык-юнкера Алабушева», а потому можно знать, сколь великий тогда был недостаток в ученых людях при артиллерии.

Если учительские должности и замещались иногда людьми достойными, как, например, Гольцман и Мордвинов – в Инженерной, Гинтер и Мартынов – в Петербургской Артиллерийской школах, то все же учителя по положению своему не могли приносить всей ожидаемой от них пользы. Так, на учителей сверх прямых их обязанностей и, конечно, в явный им ущерб возлагалось наблюдение за полицейским порядком, хозяйством, починками и постройками в Инженерном доме; учителями же выполнялись технические чертежи по заказу артиллерийского ведомства; они же заведовали то «иллюминационной командой», то лабораторией и проч. В 1743 году было сделано распоряжение о том, чтобы «учителей рисования, по затруднительному их во всякое время приисканию, Инженерной школе приготовить для себя самой, отобрав с этою целью 4 учеников, двоих из русских и двоих из немцев, которых исключительно обучать рисованию». Впоследствии и в учителя Артиллерийской школы назначались лучшие из собственных ее учеников.

По окончании курса ученики школ назначались в соответственный род службы: кондукторами в инженерную команду, сержантами, фурьерами и капрами – в минерную роту, бомбардирами, сержантами, каптенармусами², фурьерами и капрами, в полевую и осадную артиллерию; малоуспешные же ученики по достижении известного возраста выпускались на службу со званиями минеров, канониров, фузилеров, гандлангеров, писарей, фурлейтов и мастеровых.

² Каптенармус – должностное лицо в роте, ведающее получением, учетом, хранением и выдачей одежды, оружия, снаряжения и другого имущества, которое находилось в ротной кладовой.

*Кадет Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса.
Вторая половина 1840-х гг.
Неизвестный художник*

Состоя на службе, бывшие ученики получали повышение по удостоению своего начальства и достигали офицерских чинов. Кроме того, в делах школ встречаются указания на то, что ученики их получали назначения и вне военного ведомства. Так, в 1784 году несколько инженерных учеников было отослано на Сибирские горные заводы в должность шихтмейсте-

ров; из Инженерной же школы брали себе помощников архитекторы и производители работ по исследованию Боровицких порогов, по составлению плана С.-Петербурга и проч.; наконец, ученики той же школы были командированы в распоряжение второй Камчатской экспедиции. Артиллерийские ученики принимали участие в работах по отводу р. Охты и командировались в Герольдмейстерскую контору Сената для рисования дворянских гербов и в «строительную комиссию триумфальных ворот».

Ко всему сказанному надо прибавить, что исключение из школ применялось к малолетним ученикам лишь в весьма редких случаях; по поводу одного представления Инженерной школы об исключении таковых учеников «за неспособностью и нерадением» Контора сделала школе даже замечание, что в ней «над учениками прилежного смотрения и должного старания и принуждения к наукам не имеется, что ученики, рачения и страху иметь не могут и только время проводят втуне, получая жалованье напрасно». Равным образом и в делах Артиллерийской школы на подобное же представление находим такой ответ Канцелярии главной артиллерии: «Понеже они (неуспешные ученики) еще малолетны и определить их в службу никуда не можно, и пока они в возраст приходить будут – обучать их сколько можно; однако ж их к тому накрепко принуждать и за ними, чтоб они неленостно учились, смотреть». Не исключали из школ учеников и по причине болезни или увечья, а предписывалось «хромым, кривых и даже разбитых параличом от болезни пользоваться и, сколько возможно, науке обучать».

Высшее управление нашими военными школами в первое время по их учреждении сосредоточивалось в Приказе военных дел, как повелено было в 1701 году именовать прежние Приказы Иноземский и Рейтарский.

По учреждении Сената в 1711 году Приказ военных дел стал именоваться Военною канцелярией, а с 1720 года высшее управление всеми военно-сухопутными силами государства возложено было на Военную коллегия, причем специальные школы поступили в ближайшее ведение Канцелярии главной артиллерии с инженерным при ней правлением.

После Петра артиллерийские и инженерные школы состояли под начальством «генерал-фельдцейхмейстера и обер-директора над фортификациями всей Империи»; должность эту последовательно занимали: граф Миних, принц Людвиг-Вильгельм Гессен-Гамбургский, князь В. А. Репнин и с 1756 года – граф П. И. Шувалов.

Для ближайшего же наблюдения за школами назначались особые лица от Канцелярии главной артиллерии и фортификации; в рассматриваемый нами период таковую обязанность исполняли: по Инженерной школе – генерал-майоры де Кулон и де Вриньи, полковник Деклапир-Колонг, бригадир Людвиг и генерал-инженер Ганнибал, а по Артиллерийской – капитан Гинтер, полковник Шульц и генерал-лейтенанты де Геннин и Глебов. Наконец, непосредственными руководителями школ и преподавателями в них за то же время были: в Инженерной – Гольцман, фон Виттиг, Браск, Менделеев, де Марин, Леман, Минау, Мордвинов и Деденев, а в Артиллерийской – Воронов, Борисов, Атяев, Гинтер, Чуровский, Мартынов, Алексеев и Данилов.

Из вышеизложенного обзора наших первых школ со времени их учреждения до 1756 года видно, что главным назначением их было готовить для артиллерии и инженерного ведомства знающих свое дело унтер-офицеров и кондукторов, которые могли бы толково и сознательно выполнять приказания главных распорядителей и под их руководством приобретать на службе новые познания и опытность, необходимые для дальнейшего повышения. И действительно, из бывших учеников этих школ наши специальные роды оружия получили немалое число офицеров, так как само Правительство признавало этот контингент главным источником пополнения офицерских вакансий. Генерал-фельдцейхмейстер принц Гессен-Гамбургский в одном из своих предложений Канцелярии (в 1737 году) прямо высказывает ту мысль, что «весьма потребно, дабы артиллерийский корпус удовольствован был добрыми и искусными

унтер-офицерами, ибо в том зависит главная нужда, чтобы впредь ради нужнейших при артиллерии действий и исправности из них достойные офицеры на убылые места быть могли».

Другой вопрос – в какой мере названные школы удовлетворяли требованиям службы того времени как в количественном, так и особенно в качественном отношении? За неимением сведений, необходимых для верного решения этого вопроса, скажем только в заключение настоящей главы, что если наши первые военные школы, по приведенному ниже (гл. III) заявлению графа П. И. Шувалова, и действительно не давали специальным родам оружия достаточного числа «людей просвещенных науками и искусных в ремеслах», то все же мы должны признать с благодарностью, что краеугольный камень научного образования русских артиллеристов и инженеров положен великим основателем этих школ, который сам часто ободрял своих сподвижников напоминанием, что «если не делать плохого начала, то и доброго конца нельзя дожидаться».

Первый кадетский корпус

Первый кадетский корпус – военное учебное заведение в Санкт-Петербурге. Инициатива создания в России кадетских корпусов для дворян принадлежала графу П. И. Ягужинскому. Указом императрицы Анны Иоанновны Сенату от 29 июля 1731 года предписывалось учредить кадетский корпус. Под его размещение был передан Меншиковский дворец на Васильевском острове.

Учреждение Первого кадетского корпуса и перемены в оном, последовавшие с 1732 по 1832 год (А. В. Висковатов)

К незабвенным памятникам попечительности Российских монархов о благе вверенной им Империи принадлежит учреждение Первого кадетского корпуса. Россия, преобразованная, распространенная и поставленная наряду первостепенных государств Европы императором Петром Великим, хотя и имела при кончине его многочисленные благоустроенные и приобвыкшие к победам войска, но нуждалась в сведущих офицерах из природных россиян. Большая часть полководцев и генералов, образовавшихся в Потешных ротах Петра и усовершенствовавших себя в продолжение четверти века непрерывных побед, или последовали за бессмертным своим благодетелем, или предшествовали ему.

При воцарении императрицы Анны Иоанновны почти все почетные должности в армии и вообще по военному ведомству занимали иноземцы, ибо не многие из природных русских дворян приобрели необходимые для того познания: одни по неимению способов, другие по закоренелой привязанности к старинным предрассудкам и обычаям, препятствовавшим просвещению.

Предпочтение, какое оказывалось в военной службе иностранцам, – предпочтение, в то время необходимое, оскорбляло самолюбие россиян, ибо преграждало им пути к возвышению. Не было заведения, где бы они могли образовать себя; но не прошло десяти лет от кончины Петра Великого, как недостаток сей уже был исправлен по внушению знаменитого полководца и министра, благонамеренного иностранца, служившего России с честью и пользою при восьми монархах.

Фельдмаршал Граф Миних, вступивший в российскую службу еще при императоре Петре I и достигший личными заслугами первейших степеней в государстве, оставил бы по себе незабвенное имя уже тем, что был основателем Первого кадетского корпуса. Удостоенный высокой доверенности императрицы Анны Иоанновны, он в самом начале царствования сей государыни, в бытность ее в Москве, после празднества коронации, убедил ее исправить упомянутый недостаток, важный тем, что российские дворяне в собственном своем Отечестве не предвидели для себя блистательного поприща и невольно уступали первенство чужестранцам. По представлению графа Миниха о необходимости учредить заведение, которое бы доставляло армии сведущих офицеров, императрица указом 29 июля 1731 года повелела основать оное под названием Кадетского корпуса для 150 дворян российских и 50 эстляндских и лифляндских.

В том же году 18 ноября состоялся Регламент корпуса, по которому кадеты были разделены на две роты в каждой 100 человек, в том числе прапорщик, подпрапорщик, 4 капрала и 15 гренадер, и обучались следующим предметам: Закону Божию; языкам российскому, немецкому, французскому и латинскому; географии, истории, математике (арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, астрономии и механике), физике, военным наукам (артиллерии и фортификации), архитектуре, чистописанию, рисованию и фехтовальному искусству. Сверх сего, смотря по способностям, полагалось обучать некоторых кадет юриспруденции и музыке, вольтижированию и верховой езде (сей последней обучались 50 человек, в том числе один офицер, и потому назывались Конными кадетами).

Главное начальство над Корпусом было поручено виновнику его учреждения, графу Миниху, а директором или подполковником оного назначен генерал-майор барон фон Люберас, знаменитый строитель канала Петра Великого в Кронштадте. К командованию 1-ю ротой определен инженер-майор Де Гонон, 2-ю капитан Де Бодан, а в помощь к ним капитан-поручики Де Бонг и фон Варшенберг.

На ходовое содержание Корпуса полагалось 33 846 руб. и сверх сего на первое обзаведение одного отпущено Миниху 15 тысяч руб.

Для помещения кадет императрица назначила в С.-Петербурге на Преображенском (ныне Васильевском) острове большой каменный дом с садом и службами, принадлежавший первоначально знаменитому любимцу Петра Великого князю Меншикову, по падении же его отданный вице-канцлеру графу Остерману, который в замен за сие получил почти все место и строения, заключавшиеся на Адмиралтейской стороне между Петровскою площадью, набережною Большою Невой и каналами Крюковым и Адмиралтейским.

Место, пожалованное Кадетскому корпусу, занимало тогда, как и теперь, все пространство между Большою Невою, зданием Двенадцати коллегий, Малою Невою и каналом, бывшим между 1-ю и Кадетскою линиями, исключая небольшого участка земли, где ныне построены частные дома между Малою Невою и Загибениным переулком. Окружность одного имела до двух с половиною верст.

Каменное строение простиралось только по набережной Большой Невы и до сего времени почти не изменило своего наружного вида. Внутри находилось несколько каменных флигелей, в том числе нынешняя Евангелическая церковь, и несколько отдельных деревянных строений, из которых в одном помещалась Греко-российская церковь во имя Воскресения Христова. Все остальное место, вплоть до переулка и Малой Невы, занимал сад.

Дом, отданный под Кадетский корпус, находился в совершенном запустении. Почти все комнаты были обращены в кладовые, принадлежавшие разным чиновникам Коллегии иностранных дел, и очищение оных производилось с такою медленностью, что совершенное принятие дома в корпусное ведомство, начатое в декабре 1731 года, окончилось не прежде октября 1732. В течение сего времени пожалована Корпусу для содержания экономии состоящая в С.-Петербургской губернии Восковицкая мыза с приписными к оной 715 душами обоего пола.

По определении таким образом числа кадет и прочих чинов, учебных предметов, содержания и места для помещения Корпуса чрез день по подписании Регламента (20 ноября 1751 года) обнародован указ о приглашении дворянских детей записываться в Кадетский корпус:

в Москве – у Дежурного генерал-адъютанта,
в Санкт-Петербурге – у графа Миниха,
в Лифляндии и Эстляндии – у губернаторов.

При сем случае императрица назначила сама в кадеты 12 пажей незадолго пред тем скончавшихся царицы Евдокии Феодоровны и Царевны Параскевии Иоанновны.

4 декабря того же года последовал вторичный указ о приглашении в кадеты с подробным изложением выгод, какие предоставлялись дворянству учреждением Корпуса.

Благотворительный призыв монархини был услышан с радостью, и дворянство поспешило оным воспользоваться. Сенатор Новосильцов первый представил своего сына к определению в кадеты (Александр Васильевич Новосильцов был один из отличнейших воспитанников Корпуса и выпущен из одного в 1737 году поручиком). Примеру его последовали многие, и в течение одного месяца список записавшихся в Корпус заключал в себе самые почетные фамилии.

Из русских: Милославский, Васильчиковы, Вельяминовы, Протасовы, Колычев, Левашев, Бобрищевы-Пушкины, Бахметьев;

князья: Репнины, Долгорукие, Прозоровские, Волконские, Черкасские, Голицыны;
графы: Скавронские, Ефимовские, Тендряковы, Шереметев;

из лифляндцев и эстляндцев: Фелькерзам, Эссен, Пален, Розен, Корф, Берх, Гельфрейх, Гельвиг, Глазенан, Буксгевдин, Удом, Модем, Иксуль, Альбедиль, Герздорф и другие.

17 февраля 1732 года последовало открытие Корпуса. В сей день явились в оный первые 50 кадет, которые и были помещены в приготовленных для них комнатах.

Между тем, как начальство сего нового заведения занималось внутренним одного устройством, число записывавшихся в кадеты увеличивалось с каждым днем до того, что в марте

их состояло по списку 308 человек. Желая доставить всем им способы к образованию себя для военной службы, граф Миних исходатайствовал у императрицы указ об увеличении числа кадет до 500 человек. По штату 12 мая того же 1732 года Корпус разделен на 5 рот, каждая в 120 человек, в соразмерности с сим умножено число чиновников и служителей и на содержание Корпуса положено 65 105 руб.

14 июня последовало открытие Рыцарской академии – так назывались Кадетские классы. До того дня по неимению учителей кадет занимали экзерцицию. Время их было распределено следующим образом: в 4:45 с пробитием зари они вставали; в 5:30 молились и завтракали; в 6 уходили в классы и оставались там до 10; с 10 до 12 занимались экзерцицией; в 12 обедали; в 2 отправлялись опять в классы; в 4 собирались вторично для экзерциции, продолжавшейся два часа; в 7 ужинали; в 9 с вечернею зарею ложились спать.

Кадеты жили по шести и семи человек в одной комнате и имели позволение держать при себе сверх казенной прислуги своих крепостных или наемных слуг. Одежду их составляли: темно-зеленый суконный кафтан с красным подбоем и золотым по борту позументом, лосиного цвета суконный камзол и такое же нижнее платье; гренадеры носили шапки, мушкетеры – шляпы. Упражнявшиеся в верховой езде надевали во время оной сверх кафтанов суконные лосиного цвета супервесты (наподобие кирас) с черными суконными же орлами.

В воскресные и праздничные дни кадеты ходили с парадом в церковь и по окончании Литургии увольнялись из Корпуса в числе 15 или 20 надежнейших из роты. Таковым строжайше подтверждалось соблюдать на улицах установленную форму, а отдавать честь не только офицерам, но и всем знатым кавалерам и дамам. Кроме сего, по воскресеньям являлось к графу Миниху по одному кадету из роты на ординарцы³; удостоенных сей чести посылали предварительно к танцмейстеру: учиться, как к начальнику подходить и ему комплимент делать.

Граф Миних и барон Люберас неусыпно заботились об устройстве и пользе вверенного им заведения. Последний жил в оном и был неотлучно с кадетами, в их спальнях, в классах, при экзерциции, во время обеда и ужина, строжайше наблюдал за нравственностью и прилежанием воспитанников; словом, вполне соответствовал своему важному назначению.

Сама императрица обращала особенное внимание на Кадетский корпус и в знак благоволения своего к оному пожаловала ему в исходе лета 1732 года знамя. Событие сие происходило следующим образом: в назначенный императрицею день, пред полуднем, 115 кадет, построенных в роту, были приведены генералом Люберасом на Адмиралтейский луг (между Мойкою и нынешним Адмиралтейством). Вскоре по приходе их прибыла государыня в сопровождении многочисленной и блистательной свиты, после нескольких милостивых приветствий, обращенных ею к кадетам, приказала подать знамя и собственною рукою прикрепила оное гвоздем к древку; принцесса Анна Карловна (впоследствии правительница) утвердила второй гвоздь, граф Миних прибил третий и возвратил знамя императрице, вручившей оное прапорщику – князю Репнину, отличнейшему из воспитанников Корпуса (князь Петр Иванович Репнин вступил в Корпус 17 февраля 1732 года; выпущен из оного в 1737 году поручиком и отправлен волонтером в Австрийскую армию; впоследствии он был генерал-поручик и полномочный министр при Испанском дворе). После сего кадеты в присутствии государыни занимались около часа экзерцицией и при стечении великого множества народа возвратились в Корпус, где знамя было поставлено в квартире директора (знамя сие было атласное белое, с черным посредине двуглавым орлом и пунцовыми по углам фламами, на которых был изображен вензель императрицы).

Вскоре после сего пожалованы знамена остальным двум ротам (по тогдашнему положению каждая рота имела знамя), а конные кадеты получили богатый штандарт.

³ Ординарец – офицер, унтер-офицер или рядовой, выделенный от воинской части в распоряжение командующего или начальника штаба для выполнения их поручений.

По медленности, с каковою производилась сдача дома в Корпусное ведомство, по исправлению и переделке комнат не все кадеты могли поместиться в Корпусе, а жили большею частию поблизости оного в частных домах, нанимая квартиры на собственный счет, что продолжалось до самой зимы 1732 года. Для учебных пособий кадет учреждена Люберасом небольшая библиотека, предпочтительно из латинских книг; для практического учения артиллерии присланы в Корпус две 12-фунтовые пушки, кои были поставлены на набережной перед большим подъездом у нынешней Греко-российской церкви; над фронтоном дома сделан государственный герб; для верховой езды устроен большой рейтбан, а дабы Корпус имел своих музыкантов, прислано в оный несколько малолетних солдатских детей. Для переездов чрез Неву даны Корпусу перевозные суда, и все принадлежавшие к оному получили право проходить безденежно Исаакиевский мост.

Здание Первого кадетского корпуса в Санкт-Петербурге. Меншиковский дворец на Васильевском острове

Императрица до самой кончины своей удостаивала вниманием Корпус, и к чести оного должно сказать, что августейшая его учредительница имела утешение видеть плоды забот своих о его пользе.

Уже в первые годы по его основании начальства разных частей государства старались наперерыв иметь в своем ведении воспитанников Корпуса, и кадеты оправдали таковые выборы ревностною службою. Знаменитый основатель Оренбургской линии статский советник Кирилов был первый, просивший о присылке к нему кадет, вследствие чего и были к нему отправлены с производством в прапорщики кадеты: Спиридов, Бахметьев и Вяземский. Они были первые, выпущенные из Корпуса (8 июня 1734 года). <...>

В апреле того же 1762 года в Корпусе последовало большое преобразование. В одно время с существованием сего заведения в С.-Петербурге находились два других Корпуса: Морской и Артиллерийский; желая, чтобы все оные не только равно пользовались монаршим вниманием, но и получали бы одинаковое воспитание, имели одинаковый образ мыслей, император Петр III повелел соединить два последних Корпуса с Сухопутным и уже из оного, смотря

но склонностям и способностям, выпускать офицерами в армию, во флот и в артиллерию. Таковое соединение трех Корпусов требовало необходимо изменения прежних их штатов, и потому было положено содержать Корпус в числе 920 человек. По сему преобразованию кадеты делились на две гренадерские и шесть мушкетерских рот, в каждой по 100 человек, и один кирасирский эскадрон в 120 человек; на ежегодное содержание Корпуса было определено 170 457 руб. Но прежде нежели последовало таковое соединение, императрица Екатерина II признала полезным отменить оное и 8 августа того же 1762 года повелела оставить Корпуса на прежнем основании, т. е. по штату 2 декабря 1759 года. <...>

В 1765 году 7 марта Корпус поступил в непосредственное ведение самой императрицы, управлять же оным повелено генерал-поручику Л. И. Бецкому и генерал-майору Философову. В августе сего же года состоявшие при Корпусе 150 мастеровых расформированы, вместо них из той же суммы 6 тыс. руб. положено содержать 40 классных и 10 гимназических учеников для доставления со временем Корпусу сведущих учителей и гражданских чиновников.

Поступление Корпуса в непосредственное ведение императрицы было предвестником тех великих милостей и того внимания, каких оный удостоивался до самой ее кончины. Бецкий, с 10 мая 1766 года уже один управлявший Корпусом, занялся по высочайшей воле сочинением для оного нового Устава и штата, до окончания и утверждения которых императрица повелела учредить при Корпусе Правление. В члены оного назначены корпусные: полковник Фрейман, еще два штаб-офицера и два капитана. 11 сентября 1766 года последовал ожидаемый Устав, истинно драгоценный дар государству. Написанный во всем сообразно своему времени, оный принадлежит к числу тех книг, кои, принеся особую наивеличайшую пользу, сохраняют всегда и везде свою цену и достоинство. В нем изображено обстоятельно и ясно, как, когда и чем руководствоваться при воспитании кадет; ничего не забыто, что могло служить к образованию нравственному, ничего не упущено и для развития способностей телесных.

В силу сего Устава Корпус, наименованный Императорским сухопутным шляхетным кадетским, был поручен управлению Совета, коего члены назначались самою императрицею, и генерал-директору. Число кадет не изменилось, но вместо прежних шести рот учреждены пять возрастов; вместо приемов во всякое время, когда только были вакансии, положено принимать в кадеты не иначе как чрез каждые три года и не старше шести лет от роду. Воспитанник поступал в 1-й возраст, по прошествии трех лет переходил во 2-й, чрез столько ж времени в 3-й и, следуя таковым порядком далее, оставлял Корпус не прежде, как пробыв в оном пятнадцать лет. Кадеты 1-го возраста были подчинены женскому надзору, а в четырех остальных – воспитателям из военных офицеров и гражданских чиновников. При вступлении кадета в 4-й возраст ему предоставлялось избирать воинскую или статскую службу, но не иначе как по уважительным причинам, как то: по склонности, состоянию, здоровью и т. п.

Воспитанникам двух старших возрастов дозволялось в большие праздники и церемониальные дни являться по несколько человек ко двору в сопровождении директора Корпуса, офицеров или профессоров. Увольнение кадет со двора было прекращено, но для свидания их с родственниками назначены особые часы по воскресным дням; впоследствии же времени отстроен для сего большой зал, называвшийся тогда Собранием, а ныне занимаемые Музеумом Корпуса.

Круг учебных занятий кадет был значительно распространен, приведен в лучшую систему и приспособлен к понятиям воспитанников каждого возраста.

Кадеты, окончившие курс воспитания, поступали на службу, смотря по их поведению и успехам в науках, прапорщиками и поручиками.

Экзамен производился в присутствии Генерал-директора и одного из членов Совета. Отличившиеся на оном получали медали: в 5-м возрасте золотые, а в 1-м серебряные. Удостоенные таковой награды носили на кафтанах золотые и серебряные нашивки, состоявшие из лаврового венка и внутри оного Корпусного герба. Раздача медалей производилась с большим

торжеством старшим членом Совета в присутствии знатнейших особ обоого пола и при собрании всех чиновников и кадет Корпуса.

Кроме сего лестного и поощрительного одобрения, воспитанникам, окончившим курс наук, разрешалось путешествовать три года в чужих краях на счет казны. Еще достойно примечания, что во время собраний Совета у дверей залы оного становили на часы двух кадет. <...>

1827 год есть один из самых достопамятных в летописях 1-го Кадетского корпуса. В сем году 18 июня при выступлении кадет оного за город, в лагерь, государь император к продолжению неизреченных к ним милостей поставил в ряды их, в стрелковый взвод, августейшего своего сына. Наследник престола в мундире рядового лейб-гвардии Павловского полка шел в строю с кадетами до самой деревни Кузьминой, по Царскосельской дороге, а во время привала по воле государя встал на часы у Корпусного знамени – пример, подобного которому не встречаем в истории от времен Петра Великого!

В следующие два дня Его Императорское Высочество удостоил обедать с кадетами за одним столом, коим их угощал государь император при Царском Селе.

В пятинедельное пребывание кадет 1-го Кадетского корпуса в лагере они неоднократно имели счастье видеть в рядах своих наследника, то разделяющего их военные упражнения, то участвующего в их завтраках и обедах, гуляньях и играх.

15 июля государь император дозволил Его Высочеству стать в строй 1-го Кадетского корпуса, за унтер-офицера. Во все сие время государь император и императрица не переставали изъявлять кадетам новые милости, присутствовать при их воинских ученьях и забавах, удостаивать лестными разговорами; одним словом, обходились с воспитанниками как бы с собственными детьми своими. <...>

В 1830 году (20 апреля) высочайше утвержденным Уставом о Военно-учебных заведениях второго класса, к которым причислен и 1-й Кадетский корпус, доставлены ему многие преимущества. Отличнейшим из кадет открыт путь к служению в гвардии; классы, а с оными и учебные предметы разделены на степени; надзор за кадетами и содержание увеличены. Посредством сего Устава подлежащие оному военно-учебные заведения получили между собою теснейшую связь и одинаковость в образе управления и воспитания. В том же году 21 мая состоялась монаршая воля об учреждении для высшего управления Кадетскими корпусами особого Совета под председательством генерала от инфантерии графа И. А. Толстого. Совет сей, называемый Советом о Военно-учебных заведениях, имеет свои собрания в 1-м Кадетском корпусе в одной из комнат, кои некогда занимал светлейший князь Меншиков.

Вскоре после упоминаемого Устава 21 октября того же 1830 года последовал новый штат 1-го Кадетского корпуса, по которому положено содержать в оном 600 кадет с разделением на пять рот: Гренадерскую, 1-ю, 2-ю и 3-ю Мушкетерские и Неранжированную. Бывшее при Корпусе малолетнее отделение упразднено, а кадеты оного поступили частию в Неранжированную роту, частию в Александровский корпус, находящийся в Царском Селе и принадлежащий к числу полезных учреждений ныне царствующего императора. Корпус сей, наименованный в честь Александра I, состоит под высоким покровительством самой императрицы, а кадеты – под надзором воспитательниц. Они остаются там до 10 лет, когда сей возраст дозволяет им поступить в Неранжированные роты прочих Кадетских корпусов.

В 1830 году 1-й Кадетский корпус с прочими военно-учебными заведениями проводил часть лета по-прежнему в лагере, под Петергофом; по-прежнему был предметом непрерывных и великих милостей Их Величеств императора и императрицы и по-прежнему имел счастье видеть в рядах своих наследника престола, делящего с ними лагерные труды и увеселения. В 1831 году кадеты стояли опять лагерем сначала при Петергофе, а после близ Царского Села, у Софии, и были особенно осчастливлены милостию монарха. В то самое время, когда Корпус еще был опечален вестью о кончине цесаревича и великого князя Константина Павловича, государь император не токмо назначил в преемники ему августейшего своего брата, но еще

удостоил 1-й Кадетский корпус особенною милостию – счастьем, какого оный еще не имел с самого своего учреждения, – принятием на себя звания шефа Корпуса. Высокая сия милость объявлена 25 июня самим государем баталиону 1-го Кадетского корпуса, стоявшему в параде при Петергофском дворце.

Но император сим еще не ограничил своих милостей к 1-му Корпусу: Ему благоугодно было осчастливить его повелением, чтобы Гренадерская рота⁴ сего заведения, носившая на себе прежде имя цесаревича Константина Павловича, именовалась ротою Его Величества. Но как изобразишь тот восторг, в который были приведены офицеры и кадеты 5 июля 1851 года, когда августейший их шеф предстал пред ними в мундире их Корпуса? Под высоким покровительством монарха, при благоволении наследника престола и под главным начальством великого князя Михаила Павловича 1-му Кадетскому корпусу остается только желать, чтобы столь счастливое его состояние было непрерывно и продолжительно!

Оканчивая обозрение всех событий, происходивших в 1-м Кадетском корпусе в продолжение ста лет, нельзя умолчать, что для учебных пособий кадет при нем находятся в бывшем Собраничном зале и смежных с ним комнатах огромная библиотека, богатое собрание артиллерийских, фортификационных и архитектурных моделей, большое количество физических машин и инструментов и небольшой, но заслуживающий внимания натуральный кабинет.

Для помещения больных воспитанников имеется обширный лазарет; для снабжения оного лекарствами – аптека; для печатания книг – типография; для кадет, обучаемых верховой езде, – пространный манеж; для прогулок, в свободные часы, – сад; короче сказать, 1-й Кадетский корпус можно уподобить особому городу, содержащему все, что только потребно для его жителей.

Кадеты проводят в классах семь часов в день и еще, кроме сего, обучаются: экзерции, верховой езде, гимнастическим упражнениям и танцованию. В воскресные и праздничные дни их увольняют к родственникам, а остающиеся ходят в церкви, коих Корпус имеет три: Греко-русскую, Евангелическую и Католическую.

По субботам, по воле Его Высочества Главного начальника, отличнейшие из воспитанников военно-учебных заведений, а в сем числе и 1-го Кадетского Корпуса, бывают привозимы к нему поочередно к обеденному столу и остаются с высоким семейством до позднего вечера. В сих собраниях великий князь и его супруга снисходят с такою милостию к юным питомцам, какую могут оказывать только родители своим детям. Кроме сего, кадеты нередко удостоиваются приглашения на обеды и вечера к великому князю-наследнику и при сих случаях видят новые знаки благоволения к ним Его Высочества.

От самого учреждения своего до сего времени благотворимый венценосцами России 1-й Кадетский корпус как бы в признательность к такому вниманию доставил государству столько полезных и знаменитых людей, что исчисление их могло бы занять особую книгу.

по части военной он образовал фельдмаршалов: Румянцева, Прозоровского и Каменского;

для поприща гражданского: генерал-прокуроров Вяземского, Беклешова, Стрекалова, Храповицкого, Ахвердова и многих других;

из писателей: Сумарокова, Хераскова, Озерова, Крюковского.

К сему должно прибавить, что большая часть военно-учебных заведений имела директорами бывших воспитанников 1-го Кадетского корпуса; питомцы оного участвовали во всех победоносных походах Российских армий от Торнео до Арзерума, от подошвы Арарата до берегов Сены; сражались с неприятелями на водах морей Балтийского, Черного и Средиземного; имели участие в плаваниях вокруг света, в открытии новых стран и сами открывали оные (известный мореплаватель, флота капитан О. А. Коцебу воспитывался в 1-м Кадетском

⁴ Гренадерская рота – старшая рота российских военно-учебных заведений.

корпусе). Еще теперь, когда почти во всех частях государственного управления служат бывшие воспитанники 1-го Кадетского корпуса и когда весьма многие из них занимают почетные места в армиях, надежда России, наследник престола, окружен особами, образовавшимися в сем заведении (воспитатель цесаревича Александра Николаевича генерал-майор К. К. Мердер и состоящие при Его Высочестве генерал-адъютант П. П. Ушаков и лейб-гвардии Измайловского полка капитан С. А. Юрьевич были кадетами и офицерами в 1-м Кадетском корпусе).

Наконец, можно ли не упомянуть, что друг и сотрудник бессмертного Кутузова по незабвенной кампании 1812 года граф К. Ф. Толь – воспитанник Корпуса, доставившего Отечеству Румянцева-Задунайского.

Из сего краткого обзора видно, что Первый кадетский корпус во все времена своего существования пользовался вниманием монархов. Благодворя юношеству, в нем воспитываемому, ныне царствующий император делается благодетелем всего русского дворянства, всей России. Кто из принадлежащих к Корпусу не чувствует цену монарших милостей, кто из юных его воспитанников не запечатлел уже в сердце своем глубочайшей признательности и беспредельной преданности к государю и его августейшей фамилии, кто из них не будет готов принести им в жертву все свои труды, силы и самую жизнь! Чувства непоколебимой верности и благоговейной любви к высоким виновникам их счастья пребудут в них навсегда неизменными. Чувства сии, переходя от отца к сыну, от сына к внуку, переживут веки и поколения и в позднейшем потомстве будут несокрушимым щитом престола, а с ним и Отечества.

Из воспоминаний (К. К. Зенденгорст, ок. 1806–1871)

5

...В царствование Александра I военно-учебные заведения находились под покровительством цесаревича, великого князя Константина Павловича как главного начальника Пажеского и всех кадетских корпусов. Отечественная война 1812 года и заграничный поход 1813 и 1814 годов, в которых цесаревич принимал непосредственное участие, отвлекали его от любимых занятий. В 1816 году цесаревич был назначен главнокомандующим польской армией и отправился в Варшаву; бывшие корпуса состояли под непосредственным начальством гг. директоров без всякого над ними контроля.

При вступлении моем в заведение семилетним ребенком в 1813 году директором 1-го кадетского корпуса был генерал-лейтенант <Федор Иванович> Клиnger, весьма угрюмый и суровый человек. Не отличаясь «мягкосердием», Клиnger был неумолимо строг с кадетами; снисхождение и ласковое обращение с питомцами были чужды его сердцу; дети боялись его. В продолжение девятнадцатилетнего управления корпусом (с 1801 по 1820 год) генералом Клиngerом не было сделано никаких улучшений ни в нравственном, ни в физическом и ни в учебном воспитании кадет; то было время какой-то безжизненности в корпусе. Кроме того, Клиnger, как ученый, занимал почетные должности и по женским учебным заведениям; но, как иностранец, не желал выучиться русскому языку, который не мешало бы ему знать, как директору учебного заведения в России; с кадетами Клиnger объяснялся на французском языке, а инспектор классов переводил нам по-русски; отдавая приказание заключить виновного кадета в тюрьму⁶, Клиnger говорил: «На турма ево». Вот все, что он мог сказать на русском языке. <...>

Малолетнее отделение, состоявшее в то время при 1-м кадетском корпусе, было разделено на 6 камер, под управлением дам. <...>

В корпусе были тогда открытые галереи, по которым дети должны были проходить из дортуара в столовую, из столовой в классы, из классов в залу. Зимой, в 20 градусов с лишком мороза, прогулки эти по галереям были довольно ощутительны и неприятны, тем более что одежда наша была легкая: суконная куртка с брюками, башмаки и нитяные чулки, голова и шея открытые, о наушниках и перчатках не было и помина; в этом костюме летом жарко, а зимой – холодно. Наши камерные дамы, сопровождая нас по утрам из дортуара в столовую, чтобы подкрепить наши детские силы габерсупом⁷, надевали зимой меховой салоп⁸ и теплый капор⁹, а кадеты в означенном костюме следовали за ними в должном порядке – попарно, маленькие впереди.

Полы были окрашены только в лазарете; в зале и дортуарах были простые и мылись едва ли один раз в неделю. В рекреационной зале был один стул для дежурной дамы, небольшой ларь для наших нянек, и затем положительно – никакой другой мебели.

Всякий может себе представить, что происходило в этой зале при сборе не менее 150 человек детей, которые ходили, бегали и резвились; дежурная дама, по снисхождению к детям,

⁵ Зенденгорст К. Первый кадетский корпус в 1813–1825 гг. Из воспоминаний бывшего воспитанника // Русская старина. 1879. Т. 24. № 2. С. 305–316.

⁶ В то время место заключения кадет называлось не карцером, а тюрьмой. – Примеч. К. Зенденгорста.

⁷ Габерсуп – овсяный суп (от нем. Hafer – овес), одно из дежурных блюд в российской армии и на флоте до революции.

⁸ Салоп – верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с прорезами для рук или с небольшими рукавами, скреплявшаяся лентами или шнурами.

⁹ Капор – женский головной убор, представлявший собой высокую шляпную тулью, суживающую к затылку, с лентами, завязывавшимися под подбородком.

довольно долгое время терпела шум и гам кадет и, наглотавшись пыли досыта, наконец призывала нас садиться, и мы располагались на полу – по-азиатски.

Вместо чаю нам давали поутру тарелку габерсупу с хлебом, а в четыре часа пополудни небольшую булку и стакан невской воды; о прочей пище не буду распространяться, скажу только, что в то время кадеты нередко заболевали скорбутом¹⁰.

По методу тогдашнего воспитания розги были необходимое и естественное средство для исправления детей в их нравственности. На этом основании наши камерные дамы не упускали случая употребить это материнское наказание, нередко и за маловажные детские шалости. М-ме Бертгольд, как директриса, наказывала детей за особые важные проступки – эти экзекуции производились в классах, и после наказания кадет был обязан со слезами на глазах поцеловать руку м-ме Бертгольд и поблагодарить ее. Домашние наказания производились собственноручно нашими дамами, как мать наказывает своего непослушного и капризного ребенка; следовательно, об этом знали только наши камерные товарищи, которые не выносили из избы сора, потому что между кадетами была примерная дружба и товарищество, которое не изменялось и не прекращалось вне корпусных стен. Публичное наказание м-ме Бертгольд чрезвычайно оскорбляло наше детское самолюбие – оно производилось служителем, состоявшим при отделении.

¹⁰ Скорбут (от лат. scorbutus) – цинга.

*Форма кадетов XVIII века.
Первый кадетский корпус.
Рисунок*

Пробыв шесть лет в малолетнем отделении, я был переведен в роты, в 1819 году в числе пяти кадет удостоился поступить в гренадерскую Его Высочества цесаревича роту¹¹. В то время

¹¹ Кадеты малолетнего отделения при переводе их поступали в резервную роту, но по ходатайству наших камерных дам, для поощрения прочих воспитанников в 1818 и 1819 гг. четырнадцать кадет поступили прямо в гренадерскую роту. – Примеч. К. Зенденгорста.

капитаном той роты был Карл Карлович Мердер (впоследствии попечитель ныне благополучно царствующего государя императора <Александра Николаевича>).

По какому случаю рота эта называлась Его Высочества цесаревича? Расскажу, что слышал по этому предмету.

По рассказам стариков-очевидцев, во время посещения императором Павлом Петровичем бывшего Шляхетного кадетского корпуса Его Величество уронил палку или трость (с каким-то умыслом); один из кадет того корпуса подбежал тотчас и, подняв трость, имел счастье вручить Его Величеству; тогда император Павел Петрович сказал: «Повелеваю этому корпусу именоваться Первым кадетским корпусом, и сыну моему, цесаревичу Константину, – шефом гренадерской роты этого корпуса».

В первый день нашего перевода К. К. Мердер облакал нас и пригласил к себе, где провели мы несколько часов в кругу его доброго семейства.

Пища в ротах в то время была улучшена: поутру вместо чаю давали кадетам две булки; обед состоял из трех, а ужин – из двух блюд. Одежда была следующая: двубортный мундир с золотым галуном по воротнику и на обшлагах и серые брюки с крагами. Эти солдатские краги из толстой кожи и дурно пригнанные портили ноги кадетам; просидеть в них восемь часов в классах была настоящая мука или пытка, потому что ноги делались от краг как будто налитые свинцом.

В корпусе в то время не было никаких гимнастических упражнений, кадеты делали весьма мало моциона, и вследствие этого несвойственного юношеским летам костюма у многих кадет болели ноги и делались кривыми. У нас в корпусе был тогда кадет Кирхохлан, привезенный из Греции; у него болели ноги до такой степени, что он едва передвигал их; всходить на лестницу и спускаться с нее ему было чрезвычайно трудно, потому что у него не сгибались ноги; ходьба его из дортуара в столовую, в залу, в классы и обратно продолжалась в каждый конец едва ли не более как по десяти или пятнадцати минут, а потому он всегда и всюду опаздывал. Зимой, во время больших морозов, из жалости к нему два сильных кадета брали Кирхохлана под руки и, подняв на воздух, несли его в таком положении ускоренным шагом. Несмотря на такое болезненное состояние ног у Кирхохлана, он носил с прочими кадетами солдатские краги; наконец корпусное начальство сжалилось над ним и только в последнее время пребывания его в корпусе приказало сшить ему серые брюки – без краг; по вышеизложенным обстоятельствам родные Кирхохлана должны были взять его из корпуса. <...>

Инспектором классов Первого корпуса был генерал-майор Михаил Степанович Перский <...>. Ласковое обращение с воспитанниками, неусыпные труды и заботы об умственном нашем образовании приобрели М. С. Перскому всеобщее уважение и искреннюю признательность кадет. <...>

Считаю нелишним также упомянуть здесь о бывшем старшем докторе, статском советнике Зеленском, и передать его странности, происходившие будто бы вследствие душевной его скорби о потере нежно любимой им жены.

Доктор Зеленский, делая визитацию по лазарету, если замечал, что некоторые из больных, желая остаться лишний день в лазарете, выказывали ему жалкую и страдальческую физиономию, он озадачивал тех кадет следующими словами: «Гримасы не делать и стоять предо мной как пред Иисусом Христом! Бог, Ломоносов и я! Возьму за пульс – все узнаю; о чем думаешь – узнаю!» Такие выходки доктора Зеленского не следовало считать признаком умственного его расстройства (как предполагали другие), но были не что иное, как шутки, употребляемые им с теми кадетами средних классов, которые своим притворством намеревались обмануть его. Зеленский был очень добрый человек и любил кадет; когда бывали труднобольные, то он находился в лазарете почти безвыходно, оказывая им всевозможные медицинские пособия, дабы облегчить их страдания; многие из них выздоравливали, обязанные вполне искусству и неусыпному за ними уходу доктору Зеленскому.

Теперь я должен говорить о весьма неприятном предмете – о взысканиях, которым подвергали кадет за их проступки; постараюсь, сколько возможным, быть кратким. <...> За важные проступки виновные кадеты были заключаемы в тюрьму на неделю и более (место заключения кадет, как я объяснял выше, не называлось «карцером»). По рассказам кадет, находившихся в заключении, эта тюрьма состояла из небольшой отдельной комнаты, куда проникал слабый свет чрез небольшое окошечко с железной решеткой; в ней находились кровать и стол, прибитые к полу; кровать без соломенника, а вместо подушки были прибиты доски в наклонном положении; с виновного снимали мундир и надевали солдатскую шинель, и он находился на пище св. Антония: на хлебе и воде. Когда оканчивался срок заключения, ротный командир приходил в тюрьму, сопровождаемый четырьмя служителями с пучками розог, и заключенный подвергался жестокому телесному наказанию, всегда тщательно скрываемому от кадет. <...>

Русская пословица говорит: «С одного вола двух шкур не дерут!» – но корпусное начальство ее не придерживалось: за каждый сколько-нибудь важный проступок виновный кадет почти постоянно подвергался двум, а иногда и трем наказаниям.

Кадеты, испытавшие телесное наказание, рассказывали, будто бы розги «вымачивались в воде», чтобы сделать наказание более «чувствительным». Если допустить справедливость таких рассказов, то, по всей вероятности, это делалось без ведома ротных командиров, самими служителями, так как между ними были очень грубые и жестокие люди; исполняя обязанность «палачей» при экзекуциях, они секли кадет без всякой к ним жалости.

Такое жестокое и позорное для благородного юношества телесное наказание, оскорбляя врожденные благородные и возвышенные чувства, озлобляло многих кадет до невероятности, так что при наказании некоторые из них с твердым и истинно рыцарским характером, дабы не кричать и скрыть боль от наказания, или, лучше сказать, чтобы пересилить эту боль, кусали до крови свои пальцы! Это не вымысел, но факт, который я могу объяснить лично и назвать их по фамилии.

В 1819 году генерал-адъютант императора Александра I, граф Петр Петрович Коновницын, был назначен главным директором Пажеского и других кадетских корпусов, Дворянского полка и императорского Царскосельского лицея с принадлежавшим ему пансионом, а в 1820 году генерал Клиnger по прошению уволен от звания директора 1-го кадетского корпуса. Вместо его директором 1-го корпуса назначен инспектор классов генерал-майор Перский с оставлением при прежней должности.

С назначением <...> Коновницына в корпусе все переродилось и изменилось к лучшему. <...> Какая-то невидимая сила руководила поступками кадет: мы старались быть благонравными, послушными, и все делалось без приказаний и напоминаний со стороны корпусного начальства; граф Коновницын был в состоянии сделать такой счастливый «переворот» во всех корпусах.

Если посещения графа Коновницына бывали во время сбора кадет в саду или в зале, то всякий спешил навстречу любимому начальнику, а в малолетнем отделении дети окружали графа Коновницына как нежно любимого отца и положительно заграждали ему дорогу; каждый желал удостоиться ласки или услышать приветливое слово от графа. Таковые сцены были довольно продолжительны, так что директор корпуса, сопровождавший графа Коновницына, должен был просить детей дать дорогу пройти графу.

Это счастливое время продолжалось только три года. Летом 1822 года разнеслась в корпусе плачевная весть о смерти графа Коновницына; в то время граф с семейством жил на даче, где последовала его кончина. Отпевание тела графа Коновницына совершалось в церкви 1-го кадетского корпуса, и при выносе гроба многие из бывших кадет пролили непритворные слезы о потере всеми уважаемого начальника и незабвенного воспитателя! <...>

После умершего графа Коновницына главным директором Пажеского и всех кадетских корпусов, а также и Царскосельского лицея назначен генерал-адъютант граф Павел Васильевич Голенищев-Кутузов, родственник князя Смоленского.

Я считаю нелишним передать некоторые сведения о впечатлениях о бывшем наводнении в Петербурге 7 ноября 1824 года.

В тот день, с раннего утра, по случаю чрезвычайно сильного ветра с моря вода в Неве начала прибывать с неимоверной быстротой, так что с 9 часов утра она выступила из берегов, затопив все низменные места в городе и по окрестности. Из первого верхнего класса, расположенного в среднем этаже, против корпусных ворот, где я провел все утро 7 ноября, в открытую калитку можно было видеть постоянно возрастающую прибуль и быстрое течение воды по улице или 1-й линии Васильевского острова <...>.

По окончании классов в 11-м часу вода ворвалась в корпусный сад и во двор, сорвав все ворота с невероятной силой, вместе с толстыми железными крючьями. Вода бушевала целый день со страшной яростью, разрушая и истребляя до основания все встречающиеся ей на пути сколько-нибудь слабые преграды.

При этом общем бедствии нижний, жилой этаж в Первом корпусе, а также подвалы и кладовые со съестными припасами (частью спасенными) были затоплены водой; по этому случаю наш ужин в тот день состоял из остатков от обеда, но зато было вдоволь хлеба и булок. Впрочем, того же дня вечером мы чрезвычайно обрадовались, увидев из окон, что <...> начал ходить народ с фонарями, по чему можно было заключить, что вода сбыла; с этим радостным чувством кадеты легли спать, но многие из наших бывших товарищей провели ту ночь с душевным беспокойством, вспоминая о своих родных, живших в Галерной <улице> или в других, более низменных частях города, в которых бывшим наводнением произведены весьма значительные, страшные опустошения¹².

В ту зиму кадеты не были увольняемы в домовый отпуск даже на праздники Рождества Христова, в том внимании, что многие из их родных и знакомых по бедности оставались жить в сырых домах, бывших затопленными наводнением, а потому посещение родных в сырых их жилищах могло иметь вредное влияние на здоровье воспитанников. <...> При этом общем бедствии в корпусе, благодаря Бога, не было особенных несчастных случаев, даже все наши верховые лошади были спасены; но по случаю повреждений в манеже и мокрой земли в оном, а затем замерзшей от морозов, кадеты высших классов на долгое время были лишены единственного удовольствия в корпусе – верховой езды.

В 1825 году я удостоился быть представленным в офицеры и высочайшим приказом, состоявшимся в 28 день апреля, произведен в прапорщики с определением на службу в 1-й пионерный (ныне саперный) батальон...

¹² При таких обстоятельствах неудивительно, что на другой же день после наводнения некоторые из кадет по чувству сыновней их любви решались уходить ночью из корпуса, дабы проведать родных и узнать о их положении после наводнения. – Примеч. К. Зенденгорста.

Из воспоминаний (М. Я. Ольшевский, 1816–1895)

13

Второго сентября 1826 года, в день, назначенный для приема, матушка повезла меня рано утром в 1-й кадетский корпус и, по предварительно собранным ею сведениям, явилась прямо на квартиру директора, которым был в то время генерал-майор Михаил Степанович Перский. В приемной, указанной швейцаром, находились уже два других отрока со своими родителями или родными, явившимися с той же целью, как и я с матерью. Тут же находились два корпусных офицера и чиновник в вицмундире¹⁴. Один из них, высокий, стройный, красивый, был адъютант директора – капитан <Егор Иванович> Сивербрик. Он, подойдя ко мне, спросил мою фамилию, сколько мне лет, откуда я приехал и где обучался, – и мои ответы записал в находившуюся у него в руках книжку. То же самое повторено было им и с вошедшими вслед за мною другим будущим кадетом.

Недолго пришлось ждать директора. Он вошел в залу в мундире, при шпаге и со шляпой в руке, в какой форме, как оказалось впоследствии, он являлся всегда перед кадетами, обходя классы ежедневно утром и после обеда, посещая лазарет, дортуары, рекреационные и столовые залы. Ни один кадет не видел его в сюртуке или другой одежде. <...>

Подойдя ко мне и поклонившись матери, он обратился к ней с вопросом: «Это, без сомнения, ваш сын?» По получении же утвердительного ответа и по прочтении адъютантом моей фамилии, лет, откуда приехал и где обучался, директор обратился ко мне: «<...> садитесь вот за этот стол, и вас проэкзаменуют».

За указанным большим столом, стоявшим посередине залы, на котором стояло несколько чернильниц и лежали листы бумаги, уже сидели два будущих кадета и втихомолку решали арифметические задачи. Подошедший ко мне офицер сначала продиктовал из истории, а потом предложил несколько вопросов, касающихся продиктованного. Я хотя сообразил, что это относилось до древней истории, потому что речь шла о римлянах и карфагенянах, но не мог понять по сути по той единственной причине, что не обучался истории, как равно был малосведущ и в географии. А потому предложенные мне вопросы остались без ответа, притом, судя по выражению лица офицера, читавшего мое писание, заключить можно было о немалом числе сделанных мной орфографических ошибок. Когда же я взглянул на экзаменатора во время проверки моей арифметической задачи, состоявшей из простых именованных чисел, далее которых мои математические сведения не простирались, то я окончательно убедился в ничтожности моих познаний. Я был совершенно смущен; слезы готовы были брызнуть из глаз, но слова подошедшего ко мне директора, говорившего с матерью и потрепавшего меня по щеке, ободрили меня: «Voyons, mon cher; que vous serez un bon cadet¹⁵. По опыту могу сказать, что у вашего сына много хороших начал», – прибавил он, обращаясь к моей матери. <...> Мое переодевание было непродолжительно, и хотя нельзя сказать, что мундир и брюки хорошо сидели, но они меня мало беспокоили. Моими же мучителями с момента облачения моего в кадетскую форму оказались галстух и сапоги. Первый, надетый поверх рубашки, сшитой из довольно толстого холста, давил и тер мне шею; вырезковые же сапоги с дратвенными узлами и гвоздями на каблуках жали и терли мне ноги. Поэтому неудивительно, если по выходе из цейхгауза¹⁶ я со сле-

¹³ Первый кадетский корпус в 1826–1833 гг. // Русская старина. 1886. Т. 49. № 1. С. 63–95.

¹⁴ Вицмундир – полупарадная одежда чиновника, укороченный фрак из цветного сукна с гербовыми пуговицами.

¹⁵ Прекрасно, мой милый; вы приняты в кадеты (фр.).

¹⁶ Цейхгауз – помещение для хранения запасов оружия, боеприпасов, обмундирования, снаряжения, продовольствия и проч.

зами бросился в объятия матери и успокоился только после совета каптенармуса: «Не плачьте, сударь: если кадеты узнают – прохода не дадут, будут смеяться».

И эти слова простого человека сильно действовали на мое детское воображение и заделали мое самолюбие. Эти слова, так сказать, выжгли мои слезы, и я даже не заплакал при прощанье с матушкой, несмотря на то что расстался с нею до субботы. По заведенному в то время порядку свидания с родителями и родственниками в будничные дни не допускались, и кадеты увольнялись из корпуса только по воскресным и праздничным дням, с большой разборчивостью и не иначе как с провожатыми. Исключения делались для фельдфебелей, унтер-офицеров и кадет верхних классов, притом хорошей нравственности. Не увольнялись и такие кадеты, у которых не было в Петербурге родителей и родных, и таких затворников, не видевших Невского, Морской, Летнего сада, было немало. С новичками поступали тоже весьма строго и даже немилосердно; их не увольняли из корпуса до тех пор, пока они, кроме надлежащей выправки, не научались делать повороты и маршировать, а также носить кивер¹⁷ и тесак¹⁸, дабы могли отдавать честь как следует. <...>

Жизнь кадета прошлого времени, в особенности младшего возраста, уподоблялась автомату, действовавшему по барабану. Барабанный бой заставлял его просыпаться в 6 часов утра и против его желания оставлять, в особенности ежась зимой, свою хотя не мягкую, но теплую постель. Этот же бой укладывал его поневоле в постель в 9 часов вечера. По барабанному бою он нехотя, едва передвигая ногами, отправлялся в классы; по этому же бою стремглав вылетал из класса и сломя голову неся, если была зима, по скользким и занесенным снегом открытым галереям. Барабанный же бой, и притом самый приятный, призывал его в половине первого к обеду, а в восемь часов вечера – к ужину; по такому же бою пелась кадетами молитва, садились они за стол и вставали с молитвой из-за стола. Даже по воскресным и праздничным дням, а также в Великий пост во время говения кадеты собирались и отправлялись в церковь по барабанному бою.

У кадет не было своей собственной воли; они жили и действовали по приказанию и команде своего начальства. А начальства у него, в особенности в неранжированных третьей и второй ротах, было немало. В этих ротах, кроме ротного командира, его помощника, дежурных офицеров, имели право оставлять без сбитня, обеда и ужина, класть на доски, ставить в угол и даже на колени, драть за уши и давать затрещины фельдфебель и отделенный унтер-офицер. Новичкам же и «плаксам» доставалось еще несравненно более от так называемых «старых» кадет, которые старались выказывать над ними своего рода власть и вымещать злобу. Пожалуй, в поступках таких кадет и проявлялась воля, но за то, что они осмеливались своевольничать, наказывались, а иной раз даже очень строго.

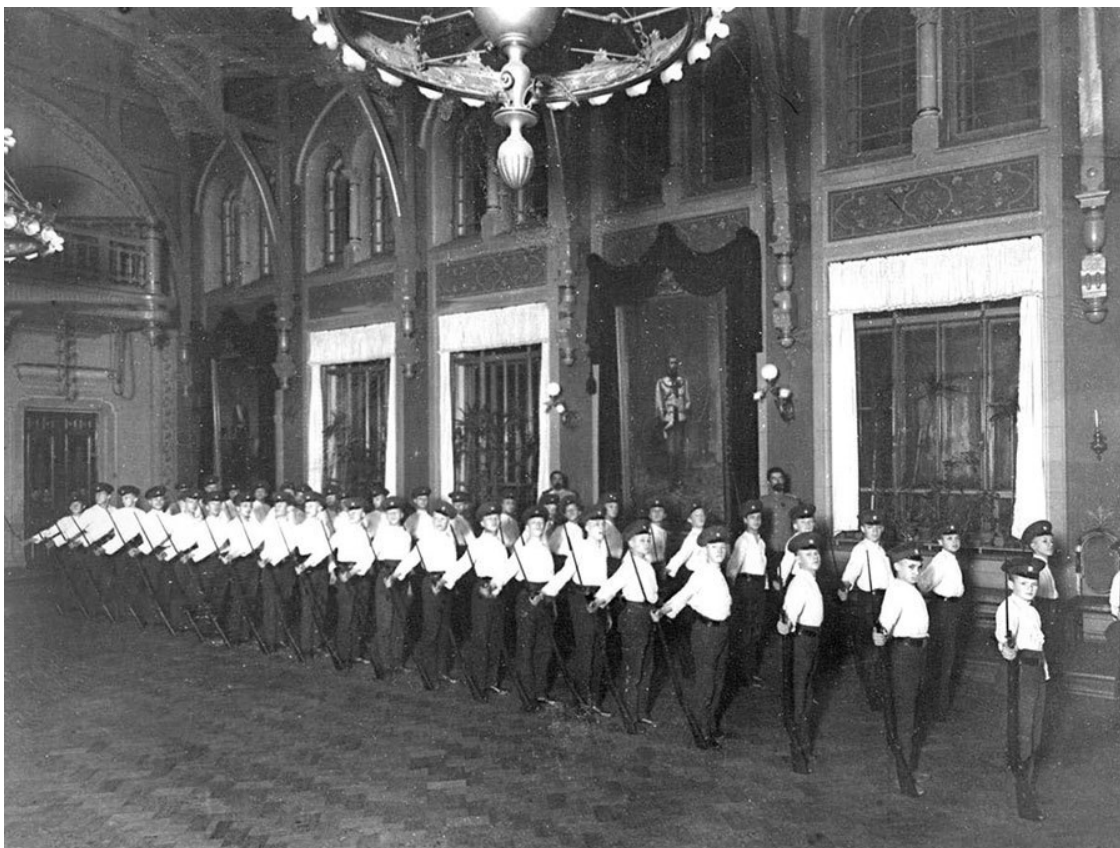
К категории «старых» кадет принадлежали лентяи, отъявленные шалуны и коноводы всех побоищ и скандалов. «Старый» кадет носил особый отпечаток и своими манерами, походкой и неряшеством бросался в глаза каждому постороннему наблюдателю. Вот наружный очерк старого кадета: ноги колесом или кривые; куртка и брюки запачканные, а иной раз и разорванные, притом у первой крючки на воротнике и несколько пуговиц по борту не застегнутые, сапоги нечищенные, волосы взъерошенные, руки исцарапанные с грязными ногтями, кулаки сжатые, физиономия мрачная, а иной раз и подбитая, разговор грубо отрывистый, голос басистый.

За исключением гренадерской роты, как долженствовавшей состоять если не из самых прилежных, то нравственных кадет, каждая рота имела своих «старых» кадет, бывших на счету у начальства. Само собой разумеется, что меньшинство «старых» кадет находилось в неранжированной роте; наоборот же, первая рота по преимуществу состояла из таких кадет. Притом

¹⁷ Кивер – военный форменный высокий головной убор с плоским верхом, одним или двумя козырьками и подбородочным ремнем.

¹⁸ Тесак – рубящее или колющее холодное оружие, состоящее из короткого широкого клинка и рукоятки с крестовиной или дужкой.

громкая разница была между теми и другими. «Старые» кадеты младших рот еще не могли считаться закоснелыми, испорченными отроками; шалости и проступки их не были так грубы и предосудительны, как проступки первоотцев.

*Построение кадетов Первого кадетского корпуса.
Фото (конец XIX – начало XX вв.)*

«Старые» кадеты младших рот кроме других непозволительных шалостей вступали иногда между собой в ожесточенный одиночный бой или дрались партиями, но не случалось, чтобы при этом они осмеливались оскорблять унтер-офицеров и фельдфебелей, а тем более офицеров. В первой же роте не раз случалось слышать, что такой-то унтер-офицер, подозреваемый в наущничестве, избит до полусмерти, а такой-то дежурный офицер ошikan и обруган, иной раз даже ротному командиру оказывалось непослушание; или распространится молва, что сьдмовцы выгнали из класса и едва не прибили учителя. А сьдмовцы, или «рогатые» – те же «старые» кадеты первой роты, 18-летние лентяи, 8–10-вершковые верзилы, сидевшие в сьдмом верхнем классе, творившие вместо учения разные безобразия и ожидавшие выпуска из корпуса в офицеры если не армейских полков, то гарнизонных батальонов. Прозвище «рогатые» они получили от кадет же, воспитывавшихся в одних с ними стенах и евших одну и ту же кашу, но только выше стоявших по умственным и нравственным качествам. Смысл этого прозвища был тот, «что вы, дескать, братцы, глупы и грубы, как рогатая скотина». <...>

Противоположностью «старому» кадету младших рот был кадет «плакса», слабый телом и духом. Таким кадетом делался тот новичок, который не был в состоянии стойко переносить щипки, пинки, затрещины, кукуньки, ерши и побои товарищей шалунов и распускал нюни. Если же новичок плакал так громко, что своим плачем обращал внимание начальства и что через это трогавшие его шалуны наказывались, а и того хуже, если они наказывались по его жалобе, то такой новичок становился мучеником, не имевшим покоя ни в роте, ни в классах.

Его старались подводить на каждом шагу: пачкали ему платье, обрезывали пуговицы на куртке, мяли его кровать, марали и рвали книги и тетради, вместо подсказывания, доведенного до высокой степени искусства, сбивали его в ответах. Случалось, что за такими кадетами оставалось прозвище «плаксы» надолго, при переводе их в другие роты и классы. Случалось, что такие мученики не выдерживали, чахли и умирали или по болезни оставляли корпус. В число таких кадет-мучеников попал вместе со мной поступивший кадет Кудрявцев, через год оставивший по болезни корпус.

Еще более строгому и жестокому кадетскому самосуду подвергались доносчики, ябеды и наушники. Таких кадет, кроме наносимых им зачастую побоев, все чуждались, и никто не говорил с ними как в роте, так и в классах. И такое отчуждение продолжалось не недели и месяцы, а годы; провинившийся получал прощение только по принесении публичного раскаяния и сознания в совершенной им вине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.